

THE IDENTITY FEATURE: THE EMERGENCE OF THE CITY

Zhanna V. Nikolaeva

St. Petersburg State University. Saint Petersburg, Russia. Email: [z.nikolaeva\[at\]spbu.ru](mailto:z.nikolaeva[at]spbu.ru)

Abstract

The article considers the dubious concept of “city limits” and “urban features”: territorial boundaries and imaginary urban features expressed in Russian by the same abstraction. As many concepts explicating ‘city’ and ‘urban’ remain confusing, we have tried to take the concept of external borders as a starting criterion to depict what is inside these boundaries and to discover the dialectical transformation in the dynamics of the intersection of material and immaterial boundaries of the so-called “urbanized environment”. M. Foucauldian “archeology” is taken for methodology (except for the description of the history of city boundaries). The spatial concept proposed as a defining analytical tool reveals additional possibilities for the study of social reality in the context of ‘philosophy of the city’. The urban contour is the outline of an abstract space, a mimetic place, both produced and productive. Having lost its clear boundaries, urban space, however, continues to ensure the coordination of flows and networks.

The research can be applicant to the clarification of the borders of identity and spatial boundaries of the city in order to refine the definition of the concept of “urban” environment, as well as in interdisciplinary studies of the fluidity of borders.

Keywords

city limits; borders; identity; urban contour; urban environment; philosophy of the city

This work is licensed under a [Creative Commons «Attribution» 4.0 International License](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ЧЕРТА ИДЕНТИЧНОСТИ: СТАНОВЛЕНИЕ ГОРОДА

Николаева Жанна Викторовна

Санкт-Петербургский государственный университет. Санкт-Петербург, Россия.

Email: [z.nikolaeva\[at\]spbu.ru](mailto:z.nikolaeva[at]spbu.ru)

Аннотация

В статье рассматривается двойное понятие «городская черта»: территориальные границы и воображаемое городское, то есть признаки, характеризующие город и маркирующие принадлежность к нему. Поскольку во многом понятия город и «городское» остаются размытыми, мы попытались в качестве отправного критерия взять понятие границы и внешнего, чтобы описать то, что находится внутри этих границ, дабы обнаружить диалектические трансформации в динамике пересечения материальных и нематериальных границ т.н. «урбанизированной среды». В качестве методологии (за исключением описания истории городских границ) используется «археология» М. Фуко. Предложенный как определяющий аналитический инструмент пространственный концепт раскрывает дополнительные возможности для исследования социальной реальности в контексте философии города. Городская черта — это контур абстрактного пространства, миметического места, произведенного и производящего. Лишившись четких границ в наше время, городское пространство, однако, продолжает обеспечивать согласование потоков и сетей.

Исследование может быть использовано для прояснения границ идентичности и пространственных границ города, уточнения определения понятия «городской» среды, а также в междисциплинарных исследованиях флюидности границ.

Ключевые слова

городские границы; границы; идентичность; городские черты; городская среда; философия города.

Это произведение доступно по [лицензии Creative Commons «Attribution» \(«Атрибуция»\) 4.0 Всемирная](https://creativecommons.org/licenses/by/4.0/)

ИЗ ИСТОРИИ ГОРОДСКИХ ГРАНИЦ

В истории городской цивилизации (а нашу цивилизацию следует признать именно городской) основным вопросом, связанным с историческими представлениями о территории города, является понимание и описание, возникающее в связи с ее расширением (экспансией) за пределы собственных границ (городских стен) и легитимацией включения новых пространств в формальный статус города. Понятие границы городских земель и сейчас еще применяется, в первую очередь в современной географии и юриспруденции, для отграничения города от прилегающей сельской местности. Всем известен дорожный знак, маркирующий пересечение невидимой границы в виде появляющегося или перечеркнутого комплекса графических силуэтов, напоминающих средневековое поселение с башней замка, крышами домов и силуэтом церкви, выглядывающими на фоне стены.

Когда-то греческий полис стремился к строгой фиксации своего пространства (отделения его от *хоры*) в физическом и даже метафизическом смысле. Здесь не только возникли привычные теперь кварталы, стены, общественные пространства (площади, здания, рынки), архитектурные доминанты как топос власти — мифопоэтической или реальной. Аристотель полагал, что у городской планировки есть автор-архитектор — Гипподам из Милета: «Он проектировал государство с населением в десять тысяч граждан, разделенное на три части: первую образуют ремесленники, вторую — земледельцы, третью — защитники государства, владеющие оружием. Территория государства также делится на три части: священную, общественную и частную» (Аристотель, 1983, с. 442). Планировочная система таких городов, как Александрия Египетская, Фурии, Родос, Пирей, носит его имя; но и планировка многих современных городов может быть названа «гипподамова». Нужно пояснить, что к этой системе «демократической сетки» с равноправием застройки в последующие века много раз обращались архитекторы-утописты, и прошлый век — не исключение. А вот театры и стадионы строились уже за пределами города, хотя бы потому, что «пространство» греческого полиса было строго ограниченным¹. Представление об инклюзии в городское пространство тех или иных объектов, важность события маркирования городской черты — одно из самых ранних проявлений человеческого «городского» бытия. Главное

1 Невозможность размещения населения за определенным барьером влекла за собой демографические сложности; по достижении предела часть жителей эмигрировала, создавая новые полисы-колонии. Создание «колоний» имело значительные последствия для распространения культуры, особенно языка, а также для политических и экономических связей. Классический период греческой античности — одна из первых известных нам эпох «возвышения городов».

событие в жизни горожан — праздничные шествия по поводу жертвоприношений, сопровождавшиеся пением гимнов и всеобщей трапезой (перформанс, который стоит отнести к практикам, формирующим всеобщую идентичность горожанина-гражданина) начиналось на окраинах города и подчеркивало топографическую иерархию городского зонирования, заканчиваясь на акрополе. Подобная модель была и у этрусков, затем унаследованная от них римлянами, где эти шествия дополнились триумфами, для чего были изобретены входные парадные арки, первоначально обозначавшие границы городской черты.

Несколько другой план города, но также рационально упорядоченный, мы находим в Риме времен империи: для новых городов использовалась схема каструма, т.е. военного поселения. На территории Апеннинского полуострова на месте каструмов выросли города: Юлия Аугуста Тауринорум (Турин) и Аугуста Претория (Аоста), а на заальпийских территориях — Вена, и многие другие, построенные, когда центр западной части империи сместился далеко на Север от Рима — в Цизальпийскую Галлию. Эта модель, что необходимо подчеркнуть, в отличие от греческого полиса, этрусских и ранних римских городов, предполагала не замыкание внутри высоких городских стен, а, напротив, свободу и простор для будущего многократного увеличения площади. По свидетельству Страбона, «...если считалось, что греки при основании городов особенно удачно достигали цели стремлением к красоте, неприступности, наличию гаваней и плодородной почвы, то римляне как раз заботились о том, на что греки не обращали внимания: о постройке дорог, водопроводов, клоак...» (Страбон, 1994, с. 220). Это и есть главное революционное преобразование, которое мы находим в «западной» (по отношению к греческой) модели, раскрытой «вовне». Поясним: из описаний историков начала новой эры, например, Полибия, мы знаем, что прямоугольный или квадратный в плане «лагерь» был окружен рвом или естественным углублением в рельефе земли, иногда насыпью, затем частоколом (Полибий, 1994). И тот, и другой тип фортификации был легко устраним в случае расширения городской черты, например, за счет включения в нее близлежащего поселения. Так возник прообраз современного нескончаемого мегаполиса¹, первым из которых и стал, по всей видимости, Рим, породив новый феномен: замкнутые (отчужденные за счет новых стен или других барьеров) пространства внутри. Город существовал в течение многих

1 В этом смысле нельзя достоверно утверждать, что ближе к истине: то, что столицы империй разрастаются до невероятных масштабов, или же то, что города, предназначение которых — стать великими, создают свои империи.

столетий, прежде чем при папе Льве IV, после того как сарацины в 846 году разграбили базилику Святого Петра, были возведены стены самого известного нам «города в городе». Территория была названа «*Civitas Leonina*» (Город Льва) и представляла собой своеобразный «защитный панцирь» для христианских цивилизационных ценностей.

Самый интересный вопрос, возникающий в связи с этим — это преломление представлений об античном городе-Граде в последующую христианскую эпоху, которая, как известно, в период Высокого средневековья вернула городам стены, замкнутость, ограниченность и попыталась внедрить стандарты городской (мультистратной) горизонтальной идентичности. На планировку и на очертания городской границы повлияли требования нового социального порядка: город-мир, замкнутое пространство, община, модель вселенной: «Христианство будет зиждиться на игре слов *Mundus* и *immundus*» (Лефевр, 2015, с. 242).

Еще раз кардинальные изменения в пространственных структурах городов происходят в Новое время, и особенно после наполеоновских реформ во всей Европе. Швейцарский историк Якоб Буркхардт считал первым городом нового типа (новоевропейским городом) итальянскую Феррару (Буркхардт, 1996). В чем заключалось отличие этого города? Дело в том, что именно здесь впервые в европейской истории (но не впервые, если принимать во внимание гипподамов город античности и еще более ранние примеры городов древних цивилизаций Востока) в 1492 году начинается проектирование городских кварталов по регулярному плану. Сам этот термин происходит от итальянского *Piano regolatore*, то есть по регулирующему, устанавливающему конвенции плану. И дело не только в возврате к Античной рациональности. С тех пор города повсюду в Европе превращаются в административные диспозитивы крупных политических органов, состоящих из территориальных государств. Город-государство, город-мир превращается в воспоминание, в биографическое повествование о своем прошлом. Следствие — постепенное исчезновение пространственных маркеров городской идентичности: стен, застав и т.п.

В результате европейской промышленной революции семнадцатого-девятнадцатого веков иммиграция населения из сельской местности превращала окраины в рабочие предместья, а искусственное включение новых смежных пространств в черту города, особенно вдоль путей сообщения, сделало привычной нам экспансию города через присоединение близлежащих населенных пунктов, образование городских агломераций. Потеря границ города как символической формы, ощущение прелести загородной жизни привели в XX веке к утра-

те ценности «городского» проживания и, как следствие, к «контр-урбанизации», теоретической и практической, которая, впрочем, сейчас некоторыми исследователями воспринимается как обновленная урбанизация, то есть как продолжающаяся экспансия городской среды, городского образа жизни; пусть при этом невозможно усмотреть со всей очевидностью географические очертания города-центра: матрица как организм воспроизводится в пространстве. Вместо фактических границ главенствует теперь иерархически-сетевой принцип: каждый центр (районный, дворцовый, религиозный) принимает на себя определенный ранг в иерархической лестнице и оказывает свое влияние на хорошо различимую область гравитации.

ГРАНИЦЫ ГОРОДСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ

Границы наших городов двойственны: это и город включённый, и вобравший в себя другие топографии одновременно. Не случайно этот эффект со всей остротой переживаний описывает еще литература XIX века: город — место обитания призрачных размытых идентичностей, двойников, а сам город — уничтожитель. Можно вспомнить и петербургских титулярных советников, живущих «в городе», но не ощущающих себя столичными жителями в удалении от парадного центра, и «эскаписта» Обломова, но можно ли говорить о существовании внятных идентитарных «границ» постиндустриального города?

Городская идентичность — это и самоидентификация горожанина (городская принадлежность) по принципу отождествления себя с городским сообществом, и — пространственно-территориальные идентичности городской среде. Городская среда функционирует и развивается по определенным присущим только ей закономерностям; предполагает выявление условий, способов и механизмов ее формирования; представляет собой поле взаимодействия человека с миром. Последнее включает в себя не только взаимодействие с материальными объектами, но и с сетями, и социальными группами; то есть среда может быть определена как материальное наполнение (сооружения, природа), сети и связи всех типов внутри городской среды, соединяющих ее части между собой и элементы с внешним миром; мифологический, литературный, кинематографический топос. Если все-таки возможно различение идентичности горожан и идентичности места, локуса, который они населяют, то вопрос этот должен изучаться в контексте жизни города как системы, как организма. Границы такой идентичности выходят далеко за пределы географической карты местности и представляют собой особый конструкт.

Первоначальный конструкт идентичности горожанина и города возник в греческой полисной классической античности, и он был описан еще Аристотелем в Политике. Гражданское (городское) общество претерпело некоторые изменения в эллинистический и римский имперский период, но в целом идентитарная модель просвещенного горожанина-гражданина, носителя определенной характеристики личности, отдающего городу (и обществу) свои физические и душевные ресурсы (неготиум¹) сохраняется. Гражданские обязанности горожанина получают дальнейшее развитие и связываются теперь не столько с местом (римские граждане много времени проводили в далеких поместьях), сколько с *Res publica* — общественным городским делом. Для этого Цицерон в трактате «О государстве» устанавливает латинские (а не греческие) термины, определяя горожанина: *civitas optimatum* — «община лучших», аристократия, и *civitas popularis* — «народная община», демократия (Цицерон, 1994). Цицерон их не противопоставляет. В латинском языке понятия городской, государственный, политический, цивилизованный (не варварский) этимологически сливаются в одном — «civilis». Происходит дальнейшее развитие интерпретации характеристик горожанина не в связи с территорией рождения, происхождения и проживания, а в связи с определением достоинства гражданина. Например, мужское личное имя латинского происхождения Урбан (от лат. *Urbanus* — «городской») среди значений имеет также «вежливый, благовоспитанный; светский» (Рыбакин, 2000, с. 190). Использование этого имени, широко распространенное у знати в раннем средневековье, может свидетельствовать о том, как фиксируется представление о городе не столько как о территории внутри городских стен, сколько как о территории, на которой проживают носители гражданского сознания и гражданских обязанностей по отношению к городу, обладающие особыми чертами.

Идея городского жителя как носителя особой поведенческой характеристики получила свое дальнейшее развитие в Высоком средневековье и в Ренессансе. Нам она представляется особой культурной моделью социального расширения традиционных представлений о жизни за пределы календарного цикла, мифических сил, патриархально-авторитарных установок. Именно тогда наша культура стала условно делиться на «городскую» и традиционную, архаическую. Свои особые характеристики горожанин не черпает из трансцендентального значения, а заимствует у логических рациональных представлений.

1 В обязанности римского гражданина входил обязательный *negotium* — время, отведенное для службы *populis* — обществу.

С начала XI в. в Европе происходила «стремительная» урбанизация. В это время обнаруживают себя специфические взаимоотношения между пространственными очертаниями городов, районов, деревней. Города стали средоточием престижа и присоединяющегося к нему эпифеномена власти. Функции феодальных сеньоров в городах ограничивались, даже если их исполняли епископы. Братства цехов противостояли аристократическим родам и их семейно-клановым традициям. В этом противостоянии крепла «реактивная» (Берк, 1999) идентичность социальной страты пополан, которая подкреплялась значительными финансовыми отчислениями в городскую казну, предназначенными на строительство общественных сооружений, мостов, дорог, стен, храмов и т.п. В Средние века интенции пополан (например, в Италии, во Франции, Ганзейских городах и городах Северной Руси) привели к созданию городских статутов, регулирующих экономику, юриспруденцию, социально-территориальную стратификацию социума, коммунальные стратегии развития, экспансии и обороны (Тьерри, 2011).

Несмотря на то, что гражданин средневекового города обладал «страстью к торговому кочевью» (Буркхардт, 1996), городское социальное пространство постоянно развивалось, закрепляя себя территориально. Общественный и экономический статус горожанина должен был постоянно объективироваться в сооружениях и посещаемых местах, а его житейский статус носителя более утонченной городской культуры (как сказали бы мы сейчас — городской цивилизации) реализовывался и в потребительских установках («демонстративное потребление», по Ж. Бодрийяру). Высочайшая цель представителей ремесленного сословия — одна из характерных черт этого периода — выступить заказчиком строительства сооружения или городского монумента. Таким образом очевидно, что в упорядочивании новой городской среды особенную роль играли сооружения, связанные с новыми видами социальной интеракции: городские ратуши, здания мануфактур, цеховых офисов, церквей, которым они покровительствовали.

К средневековым городам имеет отношение зарождение современных европейских языков, традиций культурной диффузии и взаимного познания, изобретение художественных стилей и социальных институтов. Жак Ле Гофф отмечал, что именно «Средневековье оставило Европе в наследство экономику и общество, основанные на отношениях взаимодополнения между деревней и городом, который пользовался ее ресурсами, и эти отношения преобладали над культурным антагонизмом» (Ле Гофф, 2008, с. 163). С одной стороны, культура архаична и использует механизм межпоколенческой трансляции традиций

земли и предков. А с другой — современные реалии экономики, социального капитала, права и представлений о личности тесно и органично связаны именно с реалиями городов средневековья. Именно этот тип города и специфическая городская культура (среда) сохранились и определяют эволюционные процессы в наше время как минимум в городских пространствах так называемой «западной цивилизации». Современные «западные» мегаполисы-агломерации, к которым следует отнести и крупные российские города, точнее было бы называть метрополисами (в переводе с древнегреческого — материнский город, город-прародитель). Мишель Фуко (Фуко, 2006 а, 2006 б, 2011) и, главным образом, Анри Лефевр (Лефевр, 2015) исследовали пространственные практики вплоть до использования различными социальными группами отдельных территорий, которые создают отношения местного взаимодействия с городом.

ГОРОД И «ПРОИЗВОДСТВО ПРОСТРАНСТВА»

В философской методологии описания городских пространств чаще всего используются критерии, заимствованные из таких предметных областей, как эстетика города, онтология города, идентичность города, образ города и идентичность горожанина, исследования городского топоса. Феноменологическая же интерпретация возможного взаимодействия субъекта с социальным пространством, в котором происходит действие, характеризуется рядом архетипов и модальностей, имеющих нормативное значение, — полагает современный философ Альберто Пирни (Пирни, 2020). Применительно к способам трансформации городских пространств в европейском контексте можно сфокусироваться вокруг универсальных понятий о действиях и ценностях. Метод изучения городских социальных пространств не только как закрытых, защищенных границами образований, но и как пространств, пересечение которых возможно и разнообразно, вносит в наше понимание города новую динамическую величину.

Каким бы ни был географический и исторический контекст, город возникает на пересечении путей, потоков людей, товаров с тем, чтобы со временем укреплять и развивать свое материализованное топографическое значение в этой роли. С римских времен город является одним из главных элементов всего географического пространства ойкумены: как элемент максимальной концентрации достижений цивилизации (созидания и сохранения) и как экономический субъект, не говоря уже о его политической объективации, ярко проявившей себя в Средние века. Из многообразия функций урбанизированной среды родилась такая область знания как культурная география городов, где по-

следним отводится одна из ключевых ролей в организации мирового пространства.

Классик исследования городского пространства А. Лефевр в книге «Производство пространства» (Лефевр, 2015) выделяет «господствующее» и «подчиненное пространство», возникающие в нашем «социологическом воображении» (Миллс, 2001): «Архитектура изымает у природы некое место, чтобы передать его политике с помощью символов» (Лефевр, 2015, с. 69). Пространство цивилизации он подразделяет на абсолютное, историческое и абстрактное. Каждое общество (средневековое, капиталистическое, неокapиталистическое, коммунистическое) «производит» собственное абстрактное пространство. Архитектурные доминанты и дорожные сети «привязывают» его к ландшафту. «Абстрактное» пространство, первоначальной колыбелью которого служили города, функционирует в высшей степени сложно: «Точно так же, как диалог, это пространство предполагает молчаливое соглашение, пакт о ненападении, почти договор о неприменении силы» (Лефевр, 2015, с. 61). «Пространственный консенсус есть часть цивилизации», — продолжает А. Лефевр (Лефевр, 2015, с. 70).

Обратимся еще раз к истории городской цивилизации. Правовой режим закрепления за городом территорий восходит к древним представлениям о городе как об отдельном государстве, то есть к тем временам, когда значение имела не территория (город мог мало чем отличаться от сельской местности), а статус гражданина, включенного в символический круг¹. Античный Урбанус являлся эпитетом Марса. Марс, отец Рема и Ромула, родоначальник и хранитель Рима, имел свое святилище вне городских стен, поскольку его вооруженное войско не должно было входить на территорию города (таким образом обозначались границы города), но римляне чтили его как творца порядка из хаоса войны.

Городские пространства «произведены». Они есть — продукты деятельности: это политические продукты, стратегические пространства. Но парадокс, или «весьма специфический диалектический процесс» (Лефевр, 2015, с. 98) заключается в том, что одновременно они являются пространствами, «производящими» социальные конструируемые.

1 «Основатель Рима (Рем), очертив плугом круг, изымает фрагмент пространства из природы и наделяет его политическим смыслом. Основание города целиком символично и всецело практично; реальность смыкается со смыслом, а непосредственное — с абстрактным» (Лефевр, 2015, с. 240).

ВОЗМОЖНАЯ ПРОЕКЦИЯ БУДУЩИХ ОЧЕРТАНИЙ ГОРОДОВ

Акцент на социальном конструировании возник благодаря идеям М. Фуко¹. Решетки, сети — очевидные маркеры городского пространства, как и понятие «интеллектуального фильтра». Кроме того, здесь можно провести параллель с «вызовами совместного проживания», «инаковостью» и «взаимным признанием» при пересечении городских социальных пространств (Pirni, 2018). Они не только существуют, но и оказывают сопротивление; на них не так легко повлиять. Городское пространство фиксировано, оно предопределено.

Город для нас — это не просто топос или соединение каменных построек с улицами, общественными сооружениями, физическими или административными границами. Нам представляется, что городская среда — это гораздо более общее и широкое понятие и явление, это история населения планеты, история политики, культурных экспансий и нескольких форм цивилизации, а также соседство и соперничество с размеренным сельским образом жизни, возникновение и сохранение собственных идеалов.

Каждая историческая эпоха вырабатывает собственный стиль мышления, в силу чего она смотрит на мир своими глазами, пользуется своей специфической системой мыслительных координат, а внесение новых социальных порядков предполагает де-объективацию культурной информации, заложенной в городское пространство ее предшественниками. Актуальная философия урбанизма призывает не изучать город «по частям» как аспекты планирования, строительства, поддержания и управления, а как более широкий метафизический вопрос «жизни города». Многие выдающиеся мыслители прошлого, например, Л. Мамфорд (Мамфорд, 2001) поразительным образом предугадали и влияние технологий на город, и результаты трансформаций роли городов в мировой цивилизации. Современная философия города и «городского» направлена на выработку более тонкого и целостного взгляда на проблему.

Растущий интерес к будущему городов развивается параллельно интересу к трансгенерациональной ответственности², теории устойчи-

1 Гетеротопии описаны в эссе Мишеля Фуко «Другие пространства». В культурной географии этот термин определяет «идею» не совсем традиционного (для города) места. Особенностью подобного рода мест является то, что, находясь в связи со всеми остальными социальными пространствами, они в то же время противоречат им.

2 На данном этапе развития человеческой цивилизации особенно остро стоят антропологические, социально-философские и онтологические вопросы, наряду с их осмыслением в области права и морали, в частности, вопросы трансгенерациональной ответственности и власти. См. об этом подробнее: (Андина, 2019; Andina, 2020)

вого развития и осознанного потребления. Надо сказать, что еще до начала нынешнего кризиса в философии и культурологии часто поднимались проблемы развития нового витка антибуржуазизма, социального гуманизма и новых форм правового дискурса. Например, идея культурного конструирования дала нам идею конструирования идентичности и, как следствие, конструирования («производства») пространства для этой идентичности. Изменения в повседневной жизни обычных людей влекут за собой изменения в материальной культуре и ландшафте среды обитания человека: «...Физическая окружающая среда придает форму культуре, не так, как думают детерминисты, но ограничивая доступные опции. ...я имею в виду ...заимствование культуральными историками понятий экологов» (Берк, 2015, с. 213-214), то есть запрещающая, ограничивающая, отчуждающая.

В не меньшей степени и методология постколониальных исследований, равно как и разрабатываемая в настоящий момент теория флюидных границ, — хорошие примеры взаимодействия *cultural studies* в исследовании будущего городских очертаний за пределами европейского контекста: «Характерные черты фронта, сформировавшиеся в современной литературе, сводя его сущность к быстротечности условий, к постоянному непостоянству, тем не менее отличаются от понятия “столкновения культуры и дикости”, характерного для процессов колонизации, и естественно, что такое значение теперь приписывается только историческим описаниям» (Troitskiy, 2018). Отчасти к таким странам, где все методы еще предстоит изучить и адаптировать к особенной реальности, можно отнести и Россию, где городские стратегии пространственного развития формировались десятилетиями как социальные и архитектурные утопии. С одной стороны, в нас укоренился страх любого стратегического планирования, а с другой стороны для всех наших населенных пунктов разработан документ (генеральный план), который пишется на много лет или десятилетий вперед. Сложность долгосрочного планирования порождает отчуждение в области креативной этики и морали. Никто не понимает, как на самом деле будет выглядеть территория (да и как она должна выглядеть) через тридцать-пятьдесят лет. Несмотря на кажущуюся жесткость социально-урбанистического планирования, идеальный результат все время ускользает от горожан. Рост города и заполнение вновь обретенных пространств происходит по сценарию, достойному гоголевского или кафкианского описания.

Городская черта — не столько пространственное ограничение или же маркер разрыва в традиционной культурной преемственности, сколько — креативное пространство, собирающее то, что мы назвали

бы будущей парадигмой, будущим конструктом. Не менее важно и то, что «коллективный дискурс», а не индивидуальное мышление — есть также реализация городской, «площадной» (Бахтин, 1972) полифонии и полигlossии. Город — это пространство для импровизации, для создания временных сущностей, или сущностей «над-временных»: «Архитектура — коллективное искусство, в котором план может рассматривать как вид сценария, оставляющий мастерам пространство для импровизации» (Берк, 2015, с. 146).

Вполне вероятно, что город будущего будет целиком соответствовать типу пространств, который Фуко назвал «гетеротопиями». Гетеротопии выходят за пределы мышления и языка, конституируя пространство атопии и афазии: они «приостанавливают, нейтрализуют или переворачивают всю совокупность отношений, которые тем самым ими обозначаются, отражаются или рефлектируются» (Фуко, 2006 а, с. 195). Согласно М. Фуко, пространственные формы, в которых воплощается социальная активность и материальная культура (спатIALIZация), приводят к образованию культурных форм разных масштабных уровней от жестов и телесных манер до геополитических отношений государств. В этом смысле пространственные очертания наших городов, как внутренние, так и наружные, могут быть прочитаны как планиметрическая запись коллективной интенциональности, как топографическое отображение «культурного поля». А так как «новый архивариус» еще давно «возвестил смерть человека» (Делез, 2016, с. 375), по-видимому, называя так смерть традиционных идентичностей, то и мы можем предположить смерть их пространственных спатIALIZаций.

Мы находимся на новом витке социальной горизонтальной мобильности, к изучению которой начинают применяться в том числе и математические методы. Если бы не замедление, возникшее в 2020 году, мы все чаще говорили бы об эпохе постоянной смены мест обитания или даже устранения четкой идентификационной связи с местом. Сейчас теории анализа пространственно-территориальных идентичностей в городской среде пост-мегаполисов и возникающих в них проблем обращаются вокруг поисков мобильной среды для выхода города за пределы и пространства, и времени, в том числе и для проектирования условий устойчивого развития.

Философская рефлексия М. Фуко о гетеротопиях и гетерохрониях, размышления Ж. Бодрийяра и теория «нулевого пространства» Ж. Нувеля (Nouvel, Baudrillard, Hays, 2002)¹ уже есть актуальная градострои-

1 Известный архитектор и теоретик Жан Нувель предлагает не производить пространства с идентичностью («места»); и изобрел теорию так называемого «нулевого пространства».

тельная практика. Гипотеза состоит в том, что именно работа с представлением о времени, или даже его игнорирование, будет все чаще отражать специфику работы последующих поколений урбанистов. Мы предполагаем, что последовательный выход за пределы времени исторического (эксперименты с сооружениями и даже целыми районами, состоящими из легко собираемых и легко уничтожаемых элементов, то есть отказ от постоянных форм) соответствуют идеям бережного отношения к будущим поколениям через отмену тоталитарной, то есть обуславливающий выбор следующих поколений, городской среды. Для Ж. Бодрийяра современный мир представляется виртуальным, архитектура также становится виртуальной, и хотя он и «негодует» по поводу поглощения всех остальных форм духовного пространства цифровым, нельзя не предположить, что современные очертания города отчасти уже преодолели пространственное измерение.

Список литературы

- Andina, T. (2020). *Transgenerazionalità: Una filosofia per le generazioni future [Transgenerationality: a philosophy for future generations]*. Milano: Carocci editore. (In Italian).
- Baudrillard, J., & Nouvel, J. (2002). *The singular objects of architecture*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Pirni, A. (2018). *La sfida della convivenza: Per un'etica interculturale [The Challenge of Living Together. Towards an intercultural ethics]*. Pisa: ETS. (In Italian).
- Pirni, A. (2020). Exclusion, Transition, and Recognition: Normative Archetypes for Crossing Urban Social Spaces. *Journal of Frontier Studies*, 5(1), 29–39. doi: 10.46539/jfs.2020.1.2939
- Troitskiy, S. (2018). The problem of terminological precision in studies on cultural exclusion zones. *Rivista Di Estetica*, (67), 165–180. doi: 10.4000/estetica.2772
- Андина, Т. (2019). Размышления о трансгенерационном сообществе. Границы и связи между поколениями. *Studia Culturae*, (40), 7–16.
- Аристотель. (1983). *Политика. Сочинения: В 4 томах* (Т. 4). Москва: Мысль.
- Бахтин, М. М. (1972). *Проблемы поэтики Достоевского*. Москва: Художественная литература.
- Бёрк, П. (2015). *Что такое культуральная история?* Москва: Издательский дом Высшей школы экономики.

Архитектор предлагает градостроительные решения, которые могут разрушать или пересекать (даже разбивая их) любые границы в городской среде. В своих работах Nouvel предлагает максимальную дематериализацию здания, метафорически уделяя приоритетное внимание категории времени, а не пространству. "Практическая" философия Нувеля разрабатывает концепцию "активного пространства" и "места-события" и предлагает объединить (при создании новых городских пространств) категории иллюзии, тайны, мифа и легенды.

- Буркхардт, Я. (1996). *Культура Возрождения в Италии: Опыт исследования*. Москва: Юристъ.
- Делез, Ж. (2012). Новый архивариус (Археология знания). В *Археология знания*. Санкт-Петербург: Издательский центр "Гуманитарная академия".
- Ле Гофф, Ж. (2008). *Рождение Европы*. Санкт-Петербург: Александрия.
- Лефевр, А. (2015). *Производство пространства* (И. Стаф, Пер.). Москва: Strelka Press.
- Мамфорд, Л. (2011). *Миф машины. Техника и развитие человечества*. Москва: Логос.
- Миллс, Ч. Р. (2001). *Социологическое воображение* (О. А. Оберемко, Пер.). Москва: Издательский Дом NOTA BENE.
- Полибий. (1994). *Всеобщая история* (Ф. Г. Мищенко, Пер.). Санкт-Петербург: Наука; Ювента.
- Рыбакин, А. И. (2000). *Словарь английских личных имён*. Москва: Астрель; АСТ.
- Страбон. (1994). *География. Книга V*. Москва: Ладомир.
- Тьерри, О. (2011). *Городские коммуны во Франции в Средние века*. Москва: URSS: ЛИБРОКОМ.
- Фуко, М. (2006a). Другие пространства. В *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью* (сс. 191–204). Москва: Праксис.
- Фуко, М. (2006b). Пространство, знание и власть. В *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью* (сс. 215–237). Москва: Праксис.
- Фуко, М. (2011). *Безопасность, территория, население: Курс лекций, прочитанных в Колледж де Франс в 1977-1978 учебном году*. Санкт-Петербург: Наука.
- Цицерон, М. Т. (1994). *Диалоги*. Москва: Научно-издательский центр «Ладомир» - «Наука».

References

- Andina, T. (2019). Reflections on the transgenerational community. Intergenerational boundaries and connections. *Studia Culturae*, (40), 7–16. (In Russian).
- Andina, T. (2020). *Transgenerazionalità: Una filosofia per le generazioni future [Transgenerationality: a philosophy for future generations]*. Milano: Carocci editore. (In Italian).
- Aristotle. (1983). *Politics. Works: In four volumes* (Vol. 4). Moscow: Mysl. (In Russian).
- Bakhtin, M. M. (1972). *Problems of Dostoevsky's Poetics*. Moscow: Fiction Literature. (In Russian).
- Baudrillard, J., & Nouvel, J. (2002). *The singular objects of architecture*. Minneapolis: University of Minnesota Press.
- Burke, P. (2015). *What is cultural history?* Moscow: The Higher School of Economics Publishing House. (In Russian).

- Burkhardt, J. (1996). *Renaissance Culture in Italy: A Research Experience*. Moscow: Yurist. (In Russian).
- Cicero, M. T. (1994). *The Dialogues*. Moscow: Scientific-Publishing Center Ladomir - Nauka. (In Russian).
- Deleuze, J. (2012). The New Archivist (Archaeology of Knowledge). In *Archaeology of Knowledge*. St. Petersburg: Humanitarian Academy Publishing Center. (In Russian).
- Foucault, M. (2006a). Other spaces. In *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews* (pp. 191–204). Moscow: Praxis. (In Russian).
- Foucault, M. (2006b). Space, Knowledge, and Power. In *Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches, and Interviews* (pp. 215–237). Moscow: Praxis. (In Russian).
- Foucault, M. (2011). *Security, Territory, Population: A Course of Lectures delivered at the Collège de France during the 1977-1978 academic year*. St. Petersburg: Nauka. (In Russian).
- Le Goff, J. (2008). *The Birth of Europe*. Saint Petersburg: Alexandria. (In Russian).
- Lefebvre, A. (2015). *The Production of Space* (I. Staf, Trans.). Moscow: Strelka Press. (In Russian).
- Mills, C. R. (2001). *The Sociological Imagination* (O. A. Oberemko, Trans.). Moscow: NOTA BENE Publishing House. (In Russian).
- Mumford, L. (2011). *The Myth of the Machine. Technology and the development of mankind*. Moscow: Logos. (In Russian).
- Pirni, A. (2018). *La sfida della convivenza: Per un'etica interculturale [The Challenge of Living Together. Towards an intercultural ethics]*. Pisa: ETS. (In Italian).
- Pirni, A. (2020). Exclusion, Transition, and Recognition: Normative Archetypes for Crossing Urban Social Spaces. *Journal of Frontier Studies*, 5(1), 29–39. doi: 10.46539/jfs.2020.1.2939
- Polybius. (1994). *General History* (F. G. Mishchenko, Trans.). St. Petersburg: Nauka; Juventa. (In Russian).
- Rybakin, A. I. (2000). *Dictionary of English Personal Names*. Moscow: Astril; AST. (In Russian).
- Strabo. (1994). *Geography. Book V*. Moscow: Ladomir. (In Russian).
- Thierry, O. (2011). *Urban communes in France in the Middle Ages*. Moscow: URSS: LIBRO-COM. (In Russian).
- Troitskiy, S. (2018). The problem of terminological precision in studies on cultural exclusion zones. *Rivista Di Estetica*, (67), 165–180. doi: 10.4000/estetica.2772